

ВЛАСТИТЕЛИ ДУМ

**К 100-летию со дня рождения
Н. В. Тимофеева-Ресовского**

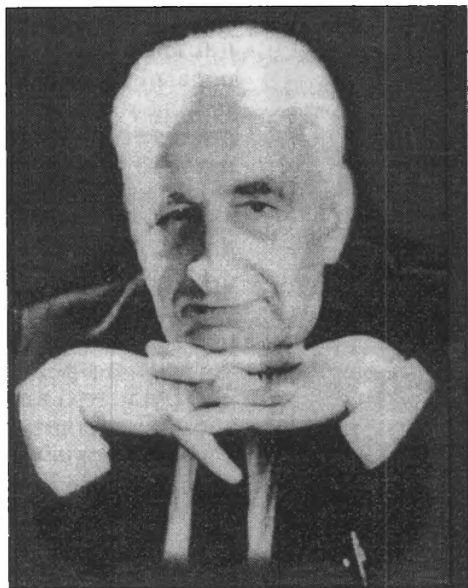
П. Л. Горчаковский

АРИСТОКРАТ В ОБРАЗЕ РУССКОГО МУЖИКА ИЛИ МУЖИК В ОБРАЗЕ АРИСТОКРАТА?

Я перешел на работу в Институт биологии УФАНа из Уральского лесотехнического института весной 1958 года, а Н.В. Тимофеев-Ресовский вместе со своей супругой Еленой Александровной и сотрудниками несколько раньше, в 1955 году, был переведен сюда с секретного «объекта 0215», находящегося на Южном Урале. Мои первые встречи с Николаем Владимировичем были эпизодическими, происходили

на заседаниях ученого совета; ближе я познакомился с ним во время совещания по охране природы, которое состоялось осенью того же 1958 года в Миассе, в Ильменском заповеднике. Здесь мне особенно ярко бросилась в глаза свободная манера поведения Николая Владимировича.

Как должен вести себя человек с сомнительным прошлым, невозвращенец, работавший в гитлеровс-

кой Германии, попавший под амнистию, но не оправданный, с непонятным гражданским статусом? Сидеть потихоньку в уголке и стараться казаться незаметным? — Ничего подобного! Он выступил и увлеченно говорил об опасностях ядерной гонки, угрозе ядерной катастрофы, заражения окружающей среды, возможной гибели человечества, чем привел в ужас организаторов совещания, в том числе и директора Института биологии С.С. Шварца, которые хотели бы, чтобы дискуссия проходила в более спокойных тонах. А что было в кулуарах совещания во время перерывов! Уже тогда Николай Владимирович был в какой-то степени своим человеком в Миассе, так как в пределах Ильменского заповедника, в поселке Миассово, находилась его полевая лаборатория. И вот, как свой человек, он представляет мне тогдашнего директора Ильменского заповедника В.М. Басова, только что вернувшегося из Греции, где тот был на каком-то совещании по охране природы (такие поездки в то время

были большой редкостью) и откуда привез целую кипу красочных буклетов. Шуточно переиначивая фамилию Басова на греческий лад, Николай Владимирович говорит: «Познакомьтесь, Басопопуло, *citoyen du monde**!»

В перерыве мы оказались рядом со вторым секретарем Миасского горкома партии — человеком, сама близость с которым в то время могла кое-кого вогнать в страх и трепет. А Николай Владимирович, беря его под руку, говорит, обращаясь ко мне и нескольким коллегам, стоявшим вблизи:

«Вот это мы (показав на себя и группу обступивших его участников совещания), а вот это (представляя нам партсекретаря) — наша крыша. Хотя и не совсем ладная, слегка дырявая, местами протекает, но все-таки она нас как-то защищает». К счастью, партийный босс оказался умным человеком. Он принял это как шутку и только улыбался.

Но при всем этом в общении Николая Владимировича как на этом совещании, так и в других местах, с людьми разного ранга не было ни малейшей развязности, разболтанности, панибратства. Он просто был сам собой, и ему было присуще удивительное чувство такта и меры.

После совещания состоялась экскурсия по Ильменскому заповеднику. Когда я заехал в Миассово, Николай Владимирович и Елена Александровна пригласили меня к себе на чашку чая в свою полевую квартиру. Здесь мы о многом говорили, и с этого момента мое знакомство с Николаем Владимировичем перешло в неформальное русло. Я не отношу себя к числу особо близких к нему людей (наши специальности были довольно далеки, его лаборатория находилась на другом конце

* Гражданин мира (фр.)

города, лето он проводил в Миассово, а зимой предпочитал надолго уезжать в Москву и Ленинград. Быть может, ощущался и определенный возрастной барьер). Но при встречах мы с ним говорили запросто, обменивались шутками, а иногда затрагивали и серьезные проблемы. Когда я бывал у него в гостях (что случилось всего лишь несколько раз), он при моем уходе демонстративно пытался подать мне пальто, я, конечно, сопротивлялся, возникала легкая шуточная борьба, и я с удивлением ощущал силу его бицепсов. Казалось странным, что человек, проводивший большую часть своей жизни в стенах лаборатории, может быть в такой прекрасной физической форме. А по поводу подавания пальто он ссылаясь на В.Н. Сукачева, что и тот-де всегда так поступает (это и самому мне было известно, так как я попадал в такое же неловкое положение, когда посещал моего духовного мэтра в его квартире в Москве на Ленинском проспекте).

Личность Тимофеева-Ресовского была яркой и многогранной, в ней гармонично сочетались два противоположных и, казалось бы, несовместимых качества. Он был аристократом до мозга костей, прежде всего аристократом духа, и в то же время простым русским мужиком.

В зависимости от обстоятельств в разные моменты, в разных жизненных коллизиях, а иногда и просто в

зависимости от его настроения на первый план выступала то одна, то другая сторона его натуры. Его манера держаться была свободной и изящной. Он мог быть подчеркнуто любезным с дамами, целовать им при встрече и прощании руки, что в ту эпоху формализма в нашей стране делалось нечасто, и чертыхаться на трибуне в зале заседаний ученого совета. Он легко находил контакт с

людьми разного социального положения: и с шофером, и с лесником, и с молодым кандидатом наук, и с известным ученым. Но самое главное – он был и всегда оставался свободным человеком.

Был он свободен и от пут, создаваемых идеологией и режимом того времени. На заседаниях ученого совета в годы, когда насильственно насаждались так называемое мичуринское учение и передовая биологическая наука в интерпретации Лысенко, он прямо говорил, что высказывания Мичурина и Лысенко никакого отношения к генетике и вообще к биологии не имеют, так как их опыты были поставлены некорректно, а поэтому полученные данные были заведомо недостоверными. И слушатели невольно задавались вопросом: как может человек, побывавший в лагере, говорить такое, за что он снова может попасть в лагерь.

Я думаю, что Николай Владимирович оказывал какое-то магнети-

ческое влияние на окружающих, и все мы в его присутствии, быть может, старались казаться умнее, чем были на самом деле, или, во всяком случае, хотя бы не говорить глупостей. Но за ним-то оставалось абсолютное право говорить все что угодно, в том числе глупости, ему все разрешалось! Так, он часто изрекал: «Заниматься наукой – тут большого ума не надо. Это не семечками торговать!» И все ошарашенно открывали рты и не могли понять: всерьез он это говорит или шутит? А кто знает, может, это действительно так?

В те годы у нас в институте довольно регулярно и активно проходили философские семинары. Душой и организатором их был С.С. Шварц, увлекавшийся еще со студенческих лет философией. Как-то он уговорил Николая Владимировича сделать доклад на тему «Наука и искусство». Доклад был интересным, Николай Владимирович построил его на антитезе рационального и эмоционального, умело обыгрывая мысль о том, что искусство – это мышление образами. Здесь удачно раскрылась еще одна грань его незаурядной личности – он неплохо разбирался в искусстве, во всяком случае, был его ценителем. Но не обошлось и без курьезов. На этом заседании я задал ему вопрос: «А какая сила побуждала первобытного человека, скажем эпохи палеолита, рисовать фигуры на скалах в пещерах? Зачем он это делал?» Ответ был такой: «А черт его знает, может быть у него какая-то зазноба была, симпатия такая, и он перед ней старался выпендриться». Нечего сказать, Николай Владимирович никогда не лез в карман за словом! А что касается интереса к искусству, то у него на квартире был неплохой набор альбомов с репродукциями картин известных художников – и иконописцев, и «ста-

рых мастеров», и французских импрессионистов, и русских классиков. И он, как сам мне говорил, нередко вновь и вновь просматривал эти альбомы.

Тимофеев обладал чувством юмора и не любил людей, лишенных этого чувства. Шутки его были хлесткими, меткими и почти всегда били прямо в цель. Трибуной для шуток могли быть и заседания ученого совета, и совещания в узком кругу в кабинете С.С. Шварца, но особенно – банкеты, которые обычно устраивались сразу после защиты диссертаций. Вот один из эпизодов. Это было в начале 60-х годов. Нахлынула очередная волна структурных реорганизаций научных учреждений. В «верхах» было решено (конечно, в интересах фундаментальной науки, чтобы она приблизилась к практическим нуждам страны!) передать Уральский филиал АН, как и другие филиалы, в подчинение какому-то новому комитету. И чиновники этого комитета будут оценивать вклад научных учреждений и решать, каким из них нужно платить больше, а каким меньше или совсем не платить. А за Академией оставить лишь методическое руководство ее же собственными филиалами. Узнав об этом нелепом нововведении, от которого, впрочем, в тех же верхах через некоторое время, опять же в интересах науки, было решено отказаться, Николай Владимирович весьма артистично (а он, несомненно, был актером) изобразил на своем лице наивную задумчивость и сказал: «Я все-таки думаю, что это не дело рук американских шпионов. Свои дураки нашлись». Или такой случай. Просматривая публикации, представленные Николаем Владимировичем для защиты диссертации по совокупности работ, я обратил внимание на одно весьма спорное по-

ложение, содержащееся в его совместной с сотрудниками статье. Я заметил: «Не знаю, Вы ли это писали, или сотрудники, но здесь что-то не так...» «Если это верно, значит писал я, если нет – они!» – последовал быстрый и решительный ответ.

В целом шутки Тимофеева были разнообразными, с элементами импровизации, но среди них были и любимые, обкатанные, которые он повторял много раз. Нередко вспоминал он анекдот (быть может, им же сочиненный) про Буденного, к которому пришла корреспондентка «Комсомольской правды» и спросила, как тот относится к Бабелю (Исаак Бабель – автор «Конармии», книги о походе конницы Буденного во время гражданской войны). Маршал минутку подумал, а потом, покрутив свой длинный ус, изрек: «Смотря какой бабель – ежели молодой и ядреный, то вполне положительно». Зарплату Николай Владимирович обычно, видимо в традициях «черного» юмора 20-х годов, называл «зряплатой», а научные семинары в лаборатории и летние коллоквиумы в Миассово, куда съезжались ценители настоящей науки из многих городов страны, не иначе, как «трепами». Нередко он говорил и о «сплошном облысении» нашей биологии (имея в виду насильственное насаждение в нее нелепых указаний шарлатана Лысенко). Все это вызывало улыбки и вносило разрядку в казенную атмосферу того времени. Но бывали и сбои. Однажды мы летели с ним вместе в самолете из Ленинграда в Свердловск. Стюардесса была усталая, измотанная, задерганная. Николай Владимирович хотел ее развеселить, сказал ей что-то, она видимо не поняла и довольно раздраженно решила его сразу же осадить, сказав, что он «плоско шутит».

Нельзя не вспомнить об одном знаменательном событии – 60-лет-

нем юбилее Николая Владимировича, которому было посвящено заседание ученого совета института (в 1960 году). Шварц усадил Николая Владимировича вместе с Еленой Александровной за председательский стол, и когда произносили хвалебные речи, было видно, что виновник торжества чувствует себя «не в своей тарелке» и выглядит несколько подавленным. Но вот ему предоставили слово, и он преобразился. В яркой форме, в свойственной ему манере, жонглируя терминами и именами друзей и коллег, работавших с ним в Германии, многие из которых были присутствующим неизвестны, юбиляр говорил о тех областях запретной в то время науки, в которых ему с коллегами «кое-что удалось сделать». Здесь он был предельно скромен и акцентировал внимание не на собственном вкладе в науку, а

на проблемах, подлежащих дальнейшему изучению.

Вообще выступления были стихией Николая Владимировича. Когда речь шла о тех или иных научных проблемах, он охотно включался в обсуждение, говорил много и содержательно. Независимо от того, на какую тему защищалась диссертация, даже если она была очень далека от его специальности, он всегда находил в ней то или иное положение, которое могло бы стать поводом для дискуссии. И тут его невозможно было остановить. Но если это было необходимо, он мог держать себя в рамках регламента. Когда я проводил совещание по проблеме классификации растительности и пригласил Николая Владимировича сделать доклад на тему об элементарных биохронологических единицах, то очень боялся, что он увлечется и будет говорить слишком долго, поэтому несколько раз предупреждал его не превышать установленный срок – тридцати минут. И был поражен, когда он на двадцать девятой минуте завершил свое яркое выступление.

В институте в то время создалась парадоксальная ситуация: во главе отдела радиобиологии и биофизики

стоял и представлял к защите выполненные под его руководством кандидатские диссертации человек, не имеющий не только никаких ученых степеней и званий, но даже диплома о высшем образовании. С.С. Шварц приложил много усилий, чтобы добиться разрешения на защиту его докторской диссертации по совокупности работ. Николай Владимирович подготовил в печатной форме доклад, в котором лаконично подвел итог всей своей научной деятельности, связав в логической последовательности исследования, выполненные в Германии, с теми, которые проводились в созданной им лаборатории Института биологии УФАНа. И вот наконец-то наступил долгожданный день защиты. Маленький зал заседаний на втором этаже старого здания был переполнен, Шварц даже опасался, что провалится пол. Доклад был великолепен. Основным оппонентом был старый друг Николая Владимировича еще со школьных лет, соученик по I Императорской Александровской гимназии в Киеве, известный зоолог и океанолог, профессор МГУ, член-корреспондент АН, а позднее академик – Л.А. Зенкевич, сказавший, что эта защита – подлинный праздник науки, а выступление на ней оппонентом для него большая честь. Другим оппонентом был профессор Уральского лесотехнического института В.Н. Петри. Третьим – по рекомендации известного ботаника Е.М. Лавренко, и, конечно, с согласия Николая Владимировича – был я. Стоит ли говорить, что означала для меня эта почетная миссия.

Отъезд Тимофеева-Ресовского в 1964 г. в Обнинск под Москвой вместе с несколькими его сотрудниками был, конечно, тяжелым ударом для коллектива Института биологии. С.С. Шварц на заседании ученого совета коротко, но тепло сказал о

том, что было сделано за годы работы Николая Владимировича в Свердловске, и пожелал ему успехов на новом поприще. Неожиданно попросивший слова лесовед И.И. Орлов очень взволнованно говорил о том, что выступления Николая Владимировича на заседаниях ученого совета были великолепной школой для сотрудников и многие именно из его уст впервые узнали, что такое настоящая генетика, а его жизнь может служить примером того, как должен вести себя ученый даже в самых трудных обстоятельствах, с которыми его столкнет судьба.

В течение нескольких лет, предшествовавших отъезду Николая

Владимировича из Свердловска, из его лаборатории выходило много кандидатских диссертаций, и нередко он просил меня выступать по ним оппонентом, хотя эти работы были не совсем близки к моей основной специальности. И вот, когда завершилось «прощальное» заседание ученого совета и все поднялись со своих мест, Николай Владимирович, слегка обняв меня дружески, сказал, обращаясь к обступившим его сотрудникам, остающимся в Свердловске: «Когда вам потребуется умный и доброжелательный оппонент – берите Горчаковского. Тема диссертации значения не имеет, хоть о слонах!»

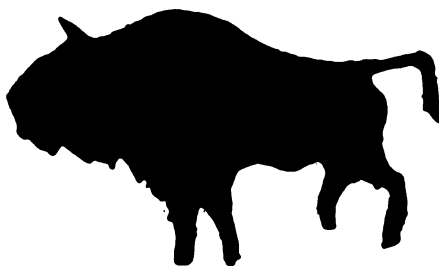
Ю.И. Новоженев

УНИВЕРСИТЕТЫ ЗУБРА

Уралу повезло: судьба забросила в наши края великого и удивительного человека. Едва ли еще когда-нибудь в Екатеринбурге жил и творил, учил и вещал мыслитель такого

масштаба, как Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Не всякий знает об этом, не всякий понимает это, не всякий это хочет признать, дабы не затемнился его собственный авторитетный силуэт. А таких силуэтов достаточно наплодила наша административно-клановая Академия, но все они исчезнут, как только опустится занавес коррупции. Наука не признает дутых авторитетов.

Урал первоначально не воспринял появление этого выдающегося

исследователя-биолога как достойное внимание событие. Умы молодежи были задуманены лысенковскими бреднями, щедро изливаемыми на их головы философствующими бездар-

ностями. Знающие истину люди предпочитали с ними не связываться, тем более что уже были жертвы их гнусных интриг, например, проф. В.И. Патрушев. Обратить внимание на Тимофеева-Ресовского уральцев заставила вездесущая Москва, которая его знала и помнила и где уже началась хрущевская «оттепель».

Шел 1956 год. Я окончил УрГУ, хотя и был в 1955 году изгнан из коммунистического союза молодежи за «отрыв от коллектива и про-